

О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ

Моск. новости. — 1991. — 21 февр. (№ 8). — С. 14

Вернее, работнице, ибо главным героем новой повести Сергея Каледина «Поп и работник» выступает Вера Ивановна Князева, староста сельской церкви Покрова Божьей Матери. Но, возможно, под работником автор имел в виду и самого себя, поскольку полгода исправно трудился истопником в подмосковной церкви, где и разглядел будущих персонажей своего сочинения.

Известность пришла к Сергею Каледину сразу после появления в «Новом мире» его «Смирненного кладбища» (1987). Повесть была инсценирована, экранизирована, переведена

на разные языки. Не менее громкий успех выпал на долю «Стройбата» (1989). Из «Нового мира» повесть благополучно перешла на подмостки Малого драматического театра в Ленинграде, а вот путь на обширную сцену Театра Советской Армии в Москве ей перекрыл Главпур: обоснование — клевета на вооруженные силы. Так что Каледин едва ли не гордится тем, что ныне он единственный автор, попавший под запрет цензуры.

«Поп и работник» приняты к публикации «Новым миром».

Прихожане

— Сергей, для автора «Смирненного кладбища» поворот к религиозной теме объясним. Но человека, описавшего совсем не божеские нравы «Стройбата», в храм вряд ли потянет. Почему вы решили туда войти?

— Было желание разобраться, что же такое Бог, почему все человечество обращается к нему, хоть и называет разными именами. Понять хотелось, что это за место — храм, где командуют старухи в черном, мрачно смотрящие на все происходящее, но где в то же время творится что-то мистическое.

— Мне показалось, что Бога в вашей повести не так уж много.

— Маловато. Я все ходил вокруг да около, думал, думал о Боге, и ничего из моих умствований не вышло. Получилась деревенская повесть, где Бог присутствует наряду с прочими персонажами.

— Если судить по вашей повести да и по собственным впечатлениям о деревне, религия там носит скорее прикладной, бытового характер.

— Чисто бытовой. А до недавнего времени и возраст людей, посещающих церковь, был очень ограничен. Мужики к ней близко не подходили, тем более партийные: чего на нее время тратить, когда можно водки выпить или по дому что поделать. Детей в церкви не было. — они октябрят и пионеры, молодых баб тоже — их на службе заругают. На чем стояло русское православие? На бабках да на редких разномыслиющих интеллигентах, наезжавших из города. Я как раз и застал тот момент — одни бабки меня окружали, я чай с ними пил, набирался ума-разума, говор слушал. За старостой своей Верой Борисовной (в повести она Вера Ивановна) все слова запоминал, а потом в соседней комнатке записывал. Она человек глубоко религиозный, радио и телевизор не признает, у нее все свое, самородное. Это уникальное, конечно, было знакомство с таким русским человеком — истинно верующим, но при этом удивительно жизнерадостным, остроумным и легким в общении.

— Может быть, вера и проявляет лучшие черты народного характера, его духовное, жизнеутверждающее начало?

— Мне кажется, об этом можно было говорить лет 60 — 70 назад, но большевики так удачно выбивали, выжидали не только веру, но и то место в душе, где она находилась, что прорастить ее там, регенерировать уже невозможно. Поезд ушел, несмотря на повальное увлечение религией. В ренессанс религиозности, тем более интеллигентии, я не очень верю. Вот эти бабки доживающие — в них вера и коренится. А тех, кто приходит в храм креститься, венчаться, просто заглядывает, потому что интересно. Русью пахнет, мне трудно назвать верующими.

— Но если веру так быстро выбили, возможно, она неглубоко и сидела? Варлам Шаламов, сын вологодского священника, говоря о революции и гонениях на церковь, утверждает, что народ в неоплатном долгу перед русским священством.

— Да не так уж быстро выбили. 70 лет все-таки. На той же Вологодчине мне рассказывали очевидцы, что, когда в 1918 году

ретивые активисты расстреляли старуху игуменью, вся губерния отказалась сдавать зерно новой власти. Вера жила, но она никогда не была фанатичной, иступленной. По религии в России считалось, что человеку работать надо, а для молений есть монахи, потому они и уподоблены ангелам Божьим.

Клир

— Необратимые перемены сказались, видимо, и на тех, кто по должности своей уготован молиться. Ваш герой отец Валерий заботится о мирских делах никак не меньше, чем о спасении души.

— Таких, думаю, большинство. Не хочу сказать о нем ничего дурного, но это батюшка не исключительный.

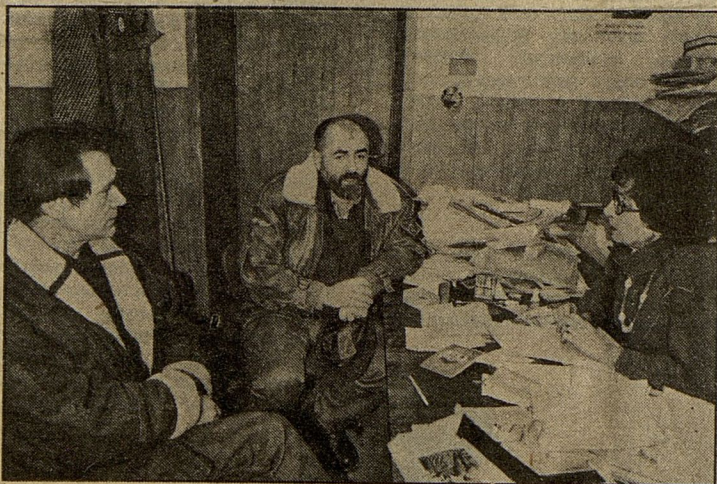
Мне довелось узнать и другого священника, который меня к этому делу и приохотил. Несколько лет назад субботним вечером я зашел в церковь в одинокой деревне. После всенощной народ разошелся, в притворе

Церковь и государство

— Скромный мир вашего деревенского храма, мне кажется, точно отражает положение церкви в государстве: ее зависимость от светских властей, ее бытовые трудности. Похоже, перемены церковь затронут не в первую очередь?

— Как мы видим, церковь — самый консервативный институт, который не меняется со сталинских времен. Никаких особо благих поступков за отчетный период она не совершала, за греховных не заступалась, ничего хорошего в ее послужном списке не значится. Смены караула в высшем духовенстве не произошло. Значит, русским православием командуют те же религиозные начальники, что блистательно распорядились церковными делами в эпоху застоя.

— Но сейчас церковь как бы вышла в мир, в частности на телевидение. Как ни плохи проповедники, проповедуют же они доброе дело?

Сергей Каледин (в центре) в редакции «Московских новостей». Слева — один из героев его повести Александр Хромов (он фигурирует в ней под собственным именем).

Фото Владимира ЖАРОВА.

стоял пионер в галстук, о чем-то батюшку спрашивал, а тот, усталый, уже без облачения, тихо рассказывал ему о первых христианах, как они прятались в катакомбах, как их бросали на растерзание львам. Говорил он без всякой театральности, не на публику (которой не было), это было наставление отроку, как и положено по религии. Меня забрало.

— Где же сейчас служит этот замечательный батюшка?

— Во Франции он служит, живет в Мелузе, на границе с Германией. Другой приход у него в Швейцарии. Это отец Владимир, Владимир Васильевич Шибаев, из России его вынудили уехать, неподходящий был по застойным временам священник, пригрозили ему тюрьмой. Обратившись к Священному писанию, он рассудил так: «Христос говорил, что брать на себя нужно столько, сколько можете вынести. Тюрьмы я не вынесу, и дети у меня маленькие».

Я виделся с ним во Франции, возвращаться он не спешит. Да, к слову, никто из наших эмигрантов — от малых до великого вермонтского — не торопится обратно. Что-то непоправимо уходит, меняется группа крови.

— Предполагалось, что вести проповеди по телевидению будет Александр Мень, что он станет ректором богословской академии. Но его нет, ему голову разрубили топором. Видимо, кто-то очень беспокоился, что своим авторитетом он способен поколебать основы нашего ортодоксального православия. Средства массовой информации о нем замолкли, их внимание к следствию притуплено. Как будто ничего и не случилось!

А в телевизионной вахханалии: куда ни переключишь, всюду ладан — либо царя поминают, либо другие молебны служат, я вижу очень много кощунства. Церковь — мистическая категория, сокровенное дело, а не предмет для экранных представлений.

— В нравственное перевоспитание общества с помощью церкви вы, стало быть, не очень верите?

— Верить-то верю, но кто будет воспитывать? Отец Александр Мень убит, отец Владимир изгнан. Такому батюшке, как мой Валерий Федотович, я вряд ли доверил бы своего сына. Вот Вере Ивановне Князевой, неграмотной старухе, ничего на свете не знающей, кроме жизни, доверил бы охотно...

Беседу вела
Ольга МАРТЫНЕНКО.